

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

На правах рукописи

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

Специальность: 5707.01 – Славянские языки

Отрасль науки: Филология

Соискатель: **Гамидова Рамиля Тофик гызы**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философии

Баку – 2024

Диссертационная работа выполнена на кафедре Русского языкознания Бакинского государственного университета.

Научные

руководители: доктор филологических наук, профессор
Гулиева Лала Гусейн гызы

доктор филологических наук, профессор
Супрун Василий Иванович

Официальные

оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Грановская Лидия Михайловна

доктор филологических наук, профессор
Зиновьева Елена Иннокентьевна

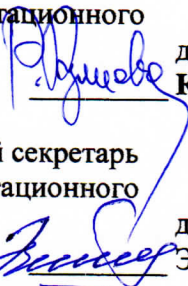
доктор философии по филологии, доцент
Асадов Захир Вахид оглы

Диссертационный совет ED 2.13 Высшей Аттестационной Комиссии при Президенте Азербайджанской Республики, действующий на базе Бакинского славянского университета.

Председатель

Диссертационного

совета:

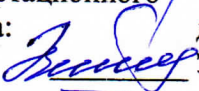

доктор филологических наук, профессор
Кулиева Рагиля Гусейн гызы

Ученый секретарь

диссертационного

совета:

доктор философии по филологии
Эфендиева Суад Ариф гызы

Председатель

научного семинара:

доктор филологических наук, профессор
Шукюрбейли Таваккюл Гади оглы

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и степень разработанности темы исследования. Языковая картина мира Древнего Новгорода является актуальной проблемой современной русистики по нескольким причинам. Во-первых, языковая картина мира является одним из фундаментальных понятий современной лингвистики, поскольку ее изучение позволяет более точно описать и понять этно-специфические черты того или иного народа, а также указать на его эстетические и этнические ценности. Однако такой подход изучения языка ведется, как правило, в синхронном срезе. Тогда как исторический анализ формирования и развития современной языковой картины определенного народа, в нашем случае русской нации, носит основополагающий характер. На наш взгляд, именно диахронное изучение языковой картины мира русского народа позволяет выявить причины и основные национальные особенности современной русской нации. Во-вторых, известно, что в средние века древний Новгород являлся одним из крупнейших культурных центров древнерусского государства и одним из крупных торговых городов Европы. Более того, именно упомянутая древнерусская область являлась средоточием древнерусской письменной культуры, о чем свидетельствует большое количество письменных памятников, в частности новгородские берестяные грамоты – уникальные древнерусские памятники письменности, представляющие собой частную переписку людей Древнего Новгорода и его окрестностей. Все указанные факторы не могли не повлиять на сознание и, как следствие, на язык древних новгородцев. В-третьих, историческое изучение языковой картины мира предполагает изучение только письменной системы древнерусского языка, т.е. изучения лексики и фразеологии древнерусского языка на материале древних письменных источников, имеющих в распоряжении современной исторической науки. Такой подход полностью совпадает с изучением современной языковой картины мира с точки зрения лингвокультурологии, которая тоже

выражается в описании языковой картины мира на материале лексики и фразеологии конкретного языка.

Языковая картина мира широко изучена в российском и азербайджанском языкознании, в частности можно упомянуть имена таких известных ученых, как А.Вежбицкая, А.Зализняк, В.Маслова, А.Абдуллаев, Ф.Вейсалли, А.Мамедли и многие другие. Однако при этом рассмотрение языковой картины мира русского народа в историческом плане носит единичный характер (Ф.Филин, Е.Алещенко, И.Качинская, Э.Гейдарова и др.). В частности, можно говорить об отсутствии диссертационных работ, изучающих новгородские берестяные грамоты в лингвокультурологическом аспекте.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является лексическая и фразеологическая системы древнерусского языка, отраженные в новгородских берестяных грамотах.

Предметом исследования является языковая картина мира древних новгородцев, отраженная в новгородских грамотах на бересте XI–XV веков.

Цель и задачи исследования. Основная цель работы – дать описание языковой картины мира Древнего Новгорода с лингвокультурологической точки зрения.

Для достижения основной цели поставлены основные задачи:

- выписать и классифицировать лексику и фразеологию, отмеченную в новгородских берестяных грамотах;
- провести распределение зафиксированной лексики по лексико-тематическим группам;
- изучить лексику новгородских берестяных грамот с точки зрения частотности употребления;
- выявить особенности происхождения лексики новгородских берестяных грамот;
- определить степень развитости системных отношений лексики древненовгородского диалекта;
- изучить особенности коммуникативной культуры древних новгородцев;

- выявить особенности употребления лексики, организующую своеобразную языковую картину мира новгородских берестяных грамот;
- исследовать духовную сторону жизни древних новгородцев, а также их эстетические и этические ценности;
- выявить культурные особенности, характерные для языка новгородских берестяных грамот.

Методы исследования. В силу поставленных целей при анализе материала применялись метод лингвистического описания, лексико-семантический анализ материала, его лингвокультурологическое описание и социокультурное комментирование.

На защиту выносятся основные положения:

- новгородские берестяные грамоты являются источником не только описания языковой картины древненовгородского диалекта, но и изучения коммуникативного поведения древних новгородцев, живших в определенный исторический срез с XI по XV века;
- в коммуникативном поведении древних новгородцев доминирует не этикетный стиль общения;
- для языковой картины мира Древнего Новгорода основными являются межличностные отношения, построенные по принципу родственных;
- названия административно-территориальных единиц в новгородских берестяных грамотах употреблялись в качестве пространственных ориентиров, которые бытовали в речи местных людей;
- названия религиозных и языческих праздников служили для обозначения времени для личных встреч или совершения торговых сделок;
- духовная жизнь древних новгородцев соединила в себе элементы как языческого, так и православного мировоззрения;
- языковая картина мира новгородских берестяных грамот строится вокруг торговли, тем самым подтверждая статус Древнего Новгорода как торгового города;

– фразеологическая картина мира новгородских берестяных грамот носит обиходно-эмпирический характер.

Научная новизна исследования. Научная новизна заключается в том, что впервые проводится лингвокультурологическое изучение языка новгородских грамот на бересте. Несмотря на детальное языковое исследование указанного древнерусского памятника письменности такими учеными, как А.В.Арциховский, В.И.Борковский, А.А.Зализняк и др., языковая картина мира, отраженная в новгородских берестяных грамотах, предметом исследования до сих пор не становилась не только в азербайджанском, но и в российском языкознании.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость состоит в том, что оно вносит вклад в развитие представлений о специфике языковой картины мира древних новгородцев, а также национальных особенностей картины мира русского народа в его историческом развитии.

Практическая значимость исследования определяется тем, что материалы, представленные в работе, могут быть использованы в ряде гуманитарных специальностей, которые так или иначе соприкасаются с изучением русского языка в синхронном и диахронном срезе. Также материалы нашего исследования могут быть привлечены при составлении разных отраслевых словарей современного русского и древнерусского языка.

Апробация и применение. Основные положения исследования изложены в 13 научных публикациях. Научно-теоретические и практические выводы по отдельным проблемам работы были изложены в докладах, представленных на международных форумах и конференциях: «Язык. Культура. Коммуникация.» XIII Международная научно-практическая конференция (Ульяновск, 2020); «Ümmümmilli Lider Heydər Əliyevin anadan olmasının 97-ci ildönümünə həsr olunmuş Azərbaycanşünaslığın aktual problemləri» adlı XI Beynəlxalq Elmi Konfrans» (Bakı, 2020); The II Republican scientific conference on

«Fundamentals of the Humanities and Social sciences» (Baku, 2020); Материалы конференций (Сумгаит государственный университет, 2021), где получили одобрение специалистов.

Название организации, где выполнена диссертационная работа. Диссертация выполнена на кафедре Русского языкознания Бакинского государственного университета.

Общий объем диссертации со знаком, отдельно указывающим объем структурных разделов диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. Введение составляет 7 стр., 9820 знаков, I глава – 26 стр., 39742 знаков, II глава – 64 стр., 98979 знаков, III глава – 35 стр., 49376 знаков, заключение – 5 стр., 6741 знаков. Общий объем диссертации составляет 207423 знаков, без учета списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** работы обосновываются актуальность и степень разработанности темы, объект и предмет исследования, его цели и задачи, методы, научная новизна исследования, теоретическая и практическая значимость, апробация и применение, общий объем работы.

Первая глава **«Языковая картина мира: история вопроса»** носит теоретический характер и состоит из трех параграфов.

Первый параграф называется **«История изучения «языковой картины мира» в зарубежной лингвистике»**. Языковая картина мира является одним из фундаментальных понятий современной лингвистики. Представление о том, что мировидение и культура народа заключены в его языке существует с того момента, как лингвисты и философы стали рассуждать о взаимоотношениях языка и мышления. Однако силу и выразительность данная идея приобретает в трудах В.фон Гумбольдта. Философия языка В.фон Гумбольдта получило свое

развитие в таком лингвофилософском направлении языкознания, как неогумбольдтианство, теоретиками которого в Европе стал Л.Вайсгербер, а в американском языкознании – Э.Сепир и Б.Уорф. В.фон Гумбольдтом была высказана мысль о «языке как деятельности народного духа»: каждый отдельно взятый язык впитывает в себя «дух народа» и сам в свою очередь формирует этот дух. Поэтому *«изучение языка подчинено цели познания человеком самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя»*.¹ Классическими для российских языковедов стали труды польско-австралийской исследовательницы А.Вежбицкой. Ученый подчеркивала особую направленность семантического мира русского языка и русской культуры и их раскрытие в составе эргативных конструкций. *«Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывает, что язык поощряет и отражает тенденцию рассмотреть мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни уразумению»*.²

Во втором параграфе **«Языковая картина мира» в азербайджанском языкознании: история вопроса»** проблема языковой картины мира рассматривается, в основном, в рамках когнитивистики такими азербайджанскими исследователями, как Ф.Вейсалли, А.Абдуллаев, А.Мамедли, А.Мамедов и некоторые другие.

Поскольку наше исследование относится к области истории русского языка, то особо мы хотели бы выделить работы тех отечественных языковедов, которые ведут свои исследования в лингвокультурологическом направлении на материале русского островного говора Азербайджана и древнерусского языка. Это работы Л.Грановской, Г.Удалых, Э.Гейдаровой и др.

В третьем параграфе **«Лингвокультурный анализ новгородских берестяных грамот: разработанность вопроса»**

¹ Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры/ В. фон. Гумбольдт. – Москва: Прогресс, - 1985. – с. 324.

² Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – Москва: Русские словари, - 1996. – с. 76.

отмечается, что языковая картина мира древненовгородского диалекта, отраженного в новгородских берестяных грамотах, не была объектом исследования ни российского, ни азербайджанского языкознания. Лингвистические исследования первых комментаторов новгородских берестяных грамот А.В.Арциховского, В.И.Борковского, М.Н.Тихонова, А.А.Зализняка, В.Л.Янина, А.А.Гиппиуса всегда поддерживались определенным культурологическим материалом. В этом смысле особый интерес представляет работа А.А.Зализняка «Древненовгородский диалект» (М., 2004), в которой культурологический материал привлекался лишь в качестве комментария при разъяснении определенных лексем и понятий, являющихся фактами культуры. Другими не менее интересными работами, в которых отражается культурная жизнь древних новгородцев, являются монографии В.Л.Янина: «Денежно-весовые системы русского средневековья» (М., 1956), «Новгородская феодальная вотчина» (М., 1981), «Очерки истории средневекового Новгорода» (М., 2008) и др.

М.В.Седова изучала ювелирные изделия Древнего Новгорода. В своей монографии «Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV веков)» (М., 1981) ученый опубликовала ювелирные изделия X–XV веков из раскопок Новгорода, дала их классификацию и хронологию. Помимо указанного, М.В.Седова исследовала вопросы об этническом составе населения Новгорода, о его историко-культурных и торговых связях. Новгородские берестяные грамоты были привлечены в качестве письменных документов, подтверждающих развитие ювелирного дела в древнем Новгороде.

В таком же качестве материал новгородских берестяных грамот привлекается в работе «К вопросу о роли и месте духовенства в военной организации Древней Руси» А.Ю.Грачева, исследовавшего роль духовенства в социальной жизни Древней Руси; статье «Промыслы в средневековом Новгороде (по археологическим материалам)» Е.А.Рыбиной, которая изучала пушной и рыбный промыслы в средневековом Новгороде; монографии «Художественный текстиль древнего

Новгорода X-XV веков» М.М.Савенковой, в которой ученый рассматривает особенности производства текстиля, а также крашение тканей и их ткачество.

Особый интерес представляют отдельные статьи, освещающие вопрос жанровой специфики берестяных грамот. Так, С.В.Алпатов в статье «Берестяные грамоты в контексте фольклорной и литературной традиций» исследовал грамоты с текстами заговоров и проклятий, а также фольклорного и церковного содержания. Им подробно проанализирована связь грамот со средневековой литературной традицией Древней Руси и русским фольклором.

В статье «Функциональные типы начальных стереотипов эпистолярного жанра в истории русского языка XII-XIII веков» С.С.Кувалиной новгородские берестяные грамоты рассматриваются как образцы эпистолярного жанра, которые помогают изучить особенности этикета письменной коммуникации, существующей в средневековой Руси.

Таким образом, можно заключить, что новгородские берестяные грамоты с лингвокультурологической стороны не изучались. Тогда как изучение исследуемых памятников древнерусской письменности позволяет расширить представление о национальной специфике языковой картины мира русского народа вообще и древненовгородского диалекта в частности.

Основные положения и материалы первой главы изложены в нижеследующих публикациях автора.³

Вторая глава «Отражение повседневной жизни древних новгородцев в новгородских грамотах на бересте». Первые исследователи этих грамот отмечали, что «рядовые новгородские горожане пишут друг другу письма по вопросам,

³ Гамидова Р.Т. Понятие «языковая картина мира» в отечественном языкознании: история вопроса // Azərbaycanşünaslığın aktual problemləri. Ümummilli Lider Heydər Əliyevin anadan olmasının 97-ci ildönümünə həsr olunmuş XI Beynəlxalq elmi konfransının materilları, - Бакинский Славянский Университет: 7-8 may, - 2020, - с. 174-177.

относящимся к их быту».⁴ Особенность повседневной жизни древних новгородцев ярко отразилась в лексике, связанной с а) административным делением Новгородской земли и Древнего Новгорода; б) восприятием человека и его взаимоотношения с окружающими; в) занятостью людей в Новгородской Республике. Данная глава состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе **«Особенности административного деления Древнего Новгорода и Новгородской республики»** особенность употребления административно-территориальных терминов заключается в том, что в новгородских берестяных грамотах названия территориальных единиц служили своего рода пространственным ориентиром. Тому свидетельством в грамотах может служить употребительность терминов городище и городъ, между которыми с точки зрения терминологического употребления в новгородских берестяных грамотах прослеживается определенная связь.

В Новгородской земле Городищем называлось урочище, которое было первым политическим, административным центром разрозненных славянских и финно-угорских племен. В XIX в. оно было переименовано в Рюриково Городище. В новгородских берестяных грамотах под городищем понималось Рюриково Городище, которое вместе со Старой Руссой и Старой Ладогой относятся к числу древних городов. В связи с этим считается, что Новгород назван Новым Городом относительно Старого Города, находившегося на Городище.

Следовательно, словами городище и городъ в новгородских берестяных грамотах обозначаются разные территориальные объекты: под городищем подразумевалось Рюриково Городище, тогда как Новгород как крупный торговый, политический и культурный центр Новгородской земли назывался городомъ: поехали оу городъ (№ 534, 2-ая пол. XIV в.); а поиди во городо борозо (№ 920, 2-ая пол. XII в.); а ныне самозерци в городъ (№ 131, 70-е – н. 80-х гг. XIV в.); есте

⁴ Арциховский А. В. Новые открытия в Новгороде // - Москва: Вопросы истории, - 1951. № 12, – с. 83.

поихали во городо ко радости моеи (№ 497, 40-е – сер. 80-х гг. XIV в.) и др.

В значении пространственного указателя в грамотах употребляются и другие административно-территориальные термины: коньць ‘район’, село, деревенка ‘деревенька’, слобода, погость, уездъ, стан, вьлость.

Второй параграф называется **«Человек» и его восприятие в языковой картине мира новгородских берестяных грамотах.** Исследование лингвокультурологического и коммуникативного употребления лексики, отражающей восприятие человека и его взаимоотношения с окружающими, показало, что для древнерусской коммуникативной культуры, представленной в новгородских берестяных грамотах, основными являются межличностные отношения, построенные по принципу родственных, что служит для передачи ощущения органической связи между людьми. Примером этому может служить употребительность лексемы сынъ.

В новгородских берестяных грамотах значение ‘сын’ передавалось не только элементарным термином, но также таким морфологическим средством, как суффикс притяжательности -ич-, который употреблялся в составе а) патронимов и б) слов, называющих звания, профессии, социальный статус человека. Например: у поповица по 10 резано (№ 215, 2-ая пол. XIII в.) – поповиць (поповичь), т.е. сын попа; а wt бирица бѣль в отьсилкѣ билъ ми труфане (№ 471, к. 1400-ых–1410 гг.) – бириць (биричь), т.е. сын бирича; оузда кована робична (№ 500, 20-е–30-е гг. XIV в.) – робичьна, т.е. сын рабыни; а ж лжкѣ ж бирицьвича възми (№ 1106, 2-ая пол. XII в.) – бириць (биричь), т.е. сын бирича.

Более того в новгородских берестяных грамотах лексема сынъ вместе со словом отьць употреблялись в прямом и переносном значениях. Так, в берестяных грамотах с частным содержанием лексемы отьць и сынъ встречаются в значении терминов родства, тогда как в грамотах с церковным содержанием переосмысливались и наполнялись значением христианской идеологии: отец мог обозначать 1. Бога и 2. духовного наставника; лексема сынъ употреблялась для обозначения сына «Божьего» или

в качестве обращения к мужчине-христианину: во има оца и сына (№ 42, 80-е гг.–90-е гг. XIV в.); слава отцю и сыну во вѣкы (№ 727, сер. 50-х гг. XII в.–1-ая четв. XIII в.); во има отьца и сына и стго дха (№ 1077, XIV в.) и др.

Заметим, что для коммуникативной культуры Древнего Новгорода в терминах кровного родства реализуется относительная номинация, показывающая родственную связанность данного лица с другим. Таковую же относительную номинацию мы можем наблюдать в терминах свойства. Поэтому в частных письмах отец жениха может обратиться к отцу невесты обобщенным обращением свать: ѿ лавана ко свату (№ 91, 70-е гг. – н. 80-х гг. XIV в.).

Особый интерес представляет коммуникативное употребление термина жена. Как и термин кровного родства сынъ, значение ‘жена’ в новгородских берестяных грамотах может быть передано:

- 1) элементарным термином жена;
- 2) притяжательным суффиксом, присоединяющегося к мужским антропонимам, например: оу сологовѣ идова дьсать (№ 1063, к. XII в.) – слово сологоваа образовано из сочетания антропонима Сологъ и притяжательного суффикса -ов-, т.е. жена человека по имени Сологъ; оу съмьюнье кадь (№ 1029, 60-е гг.–сер. 90-х гг. XII в.) – слово съмьюнье образовано из сочетания антропонима Семень и притяжательного суффикса *-je-, т.е. жена Семена; а повьжь и оу твьрдатъ чьто сѧ ало коуно (№ 672, сер. 50-х гг. – сер. 90-х гг. XII в.) – слово повьжь образовано из антропонима Поведа и притяжательного суффикса *-jъ-.

Большое значение в древненовгородском обществе придавалось социальному статусу человека. Известно, что Новгородская республика управлялась народным вече, в состав которого входили тысяцкий, посадник, архиепископ и князь со своей дружиной. Каждый из них имел свои функции и обязанности в древненовгородском обществе.

Князь выполнял функции главнокомандующего и организатора защиты города, был верховным судьей и правителем новгородским: аже то лодиа присьлана кынина

объсти ж князю (№ 745, к. XI – 1-ая четв. XII в.). Безопасность князя и его семьи, посадников и границ Республики обеспечивалась дружиной (а ныне сж дружина по ма пороучила (№ 109, к. XI в. – сер. 10-х гг. XII в.), которую возглавлял гридь – княжеский дружинник (а гриди поль третье гривьнѣ оклада (№ 788, последняя четв. XII в.). Гридь ведал отроками – вооруженными слугами князя, являющимися младшими дружинниками (а не жатлици отроки били шьсть .i.хъ (№ 855, сер. XII в.).

Посадник руководил деятельностью всех должностных лиц и осуществлял контроль над гражданскими делами, вместе с князем ведал вопросами управления и суда: цѣлобитие осподину посаднику новгородскому онедриу ивановицю (№ 310, к. XIV в. – н. 20-х гг. XV в.).

Продажникъ был судебным приставом, сборщиком штрафов-продаж: последе не жалоуита оже ва продаженике поиде (№ 1001, 2-ая четв. – сер. XII в.). В этом же значении употребляется слово биричь из грамоты № 1098 (2-ая пол. XIV в.): и слать ми по вась бирици а на ме сж не жальте. Также в Великом Новгороде существовала должность сборщика дани в завоеванных новгородцами северных земель. Представителей ее называли данниками. Обобщенно всех сборщиков дани и податей называли бориць / бороце: проси борца о петрови дни лопшии бориць своимь недоборомь а нишни бориць своимь в недоборехъ плату ми сж животиною (№ 463, к. XIII в. – н. XIV в.).

Такое многообразие названий людей, занимавшихся сбором даней и податей, объясняется тем, что в древнем Новгороде была разветвленная система налогов. В новгородских берестяных грамотах понятие налога передавалось лексемой дань ‘налог’: дани исправити было имѣдосени (№ 724, 60-70-е гг. XII в.). Дань могла взиматься ежемесячно (поймавь у мене месачное (№ 1060, 2-ая пол. XII в.):

- за землю – поземь: позема тридцать три белке (№ 1, 70-90-е гг. XIV в.);

- по числу поселений – поселищные деньги: а посьлищенных о коуно .е. и гривно (№ 550, сер. 60-х – сер. 90-х гг. XII в.);

- за скоть – скотьное: а скотьно даль (№ 754, 70-80-е гг. XIV в. – 3-я четв. XV в.).

Государственный доход собирался как с городов – погородье (на городьцькемь погородье (№ 718, XIII в.), так и с феодалов в виде даров: .г. дарѹ (№ 718, XIII в.). Из податей, собиравшихся в Древнем Новгороде, самой архаичной был сбор наездом – полюдие: ходиль въ полюдие (№ 226, 60-90-е гг. XII в.);

Помимо налогов, в Древнем Новгороде взимались также натуральные оброки:

1) оуспы ‘натуральный оброк’: давати оусповъ 6 коробеи ржи (№ 136, 40–70-е гг. XIV в.);

2) семокъ – натуральный оброк, составляющий седьмую часть урожая: полтина да гривна и семьку цѣна (№ 532, 2-ая пол. XIV в.);

3) седьмая дежа – седьмая часть урожая подлежащего отдаче: радославомо дижѧ семаѧ (№ 50, 70-е – н. 80-х гг. XIV в.);

4) исполовиа ‘натуральный оброк’ – половина урожая, отдаваемая арендаторами-испольщиками владельцу земли: дослала не половиѧ 13 улоки (№ 50, 70-е – н. 80-х гг. XIV в.);

Богатая лексика, связанная с древним законодательством, говорит о том, что в Древнем Новгороде были широко развиты правовая культура и судебные обычаи, а также разветвленная система налогообложения.

Особую роль в жизни древних новгородцев играл архиепископ. Он ведал не только церковными делами, но и осуществлял административные функции. В новгородских берестяных грамотах к епископу обращались только как владыка: осподину архиепископу новъгороцкому владыкъ (№ 963, н. XV в.). Такое обращение говорит о том, что духовенство являлось особым сословием в древненовгородском обществе.

Духовенство делилось на белое (священнослужители) и черное (монашество). Функции и роли представителей белого и черного духовенства в жизни древненовгородского общества различались. Из терминов белого духовенства в новгородских берестяных грамотах употребляются два – попь и ди-акъ: ѿ попа 3 полосца козиѧ пуха (№ 263, 70-е–90-е гг. XIV в.); послали

есме осподине дьака олекъсандра (№ 963, н. XV в.). В текстах новгородских берестяных грамот встречаются также лексемы, обозначающие черное духовенство: игумень и игумень-а: мене игоумене не поустиле (№ 605, 2-ая четв. XII в.); поклонание ѿ игоумение къ офросение (№ 717, 20-е гг. XII в. – н. 1210-х гг.). Игумен и игуменья занимались делами монастырей, в которых жили монахи. В новгородских берестяных грамотах монахи обозначаются лексемами чернец и черница: после его смѣрти даль есмь полотину отьць юдшевтому нестеру другоу даль есемь дмитру церенецю (№ 689, 60-е–80-е гг. XIV в.); мари церници (№ 323, 2-ая пол. XIII в.) и др. Словом братиѧ монахи обращались друг к другу в частной переписке: поклоно ѿ ондреѧ со братию ко василию ко сидру (№ 276, 70-е – н. 80-х гг. XIV в.); ѿ завидѧ къ онотану къ пѣнѣ... къ вохѣи братѣѧ поклонание (№ 433, 20-е–30-е гг. XII в.).

Таким образом, можно утверждать, что несмотря на то, что Новгородская Республика считалась светским государством, представители духовенства играли в жизни древненовгородского общества важную роль.

В третьем параграфе «**Особенности занятости людей в Новгородской Республике**» в зависимости от проживания людей в городской или сельской местности различалась и занятость древних новгородцев. Так, если в сельской местности важную роль играли крестьяне, занимающиеся земледелием, и охотники, в основном рыболовы, то в городе большое значение имели купцы, чиновники и ремесленники – портные, ювелиры и т.д. Указанные особенности зафиксированы и в текстах новгородских берестяных грамот, в которых:

1) встречаются только те названия растений, которые использовались в быту и торговле, и нет ни одного упоминания о лесных деревьях или кустарниках: рожь: 6 коробеи ржи (№ 136, 40–70-е гг. XIV в.); пшеница: коробѧ пшеници (№ 136, 40–70-е гг. XIV в.); овесь: а кони корми овсомъ (№ 358, 10–60-е гг. XIV в.); жито ‘ячень’: 3 четвертки жита (№ 521, 2-ая пол. XIV в. – 1-ая пол. XV в.) и др.

2) рыба упоминается в качестве продукта и в основном обозначается собирательными терминами – рыба и рыбаца: и риби и масло и сири (№ 406, середина XIV в. – начало XV в.); молю ти сѧ госьпоже ка моѧ да посѣлъ во бороже и рыбаць выдалъ (№ 682, середина 50-х – середина 90-х гг. XII в.).

3) названия разных пород рыб (лосось, таймень, сиг, осетрина: у давыда лососи сухыхо .г. просолни (№ 258, 70-е–90-е гг. XIV в.); .г. таймени .в. просоле и .е. сигово .е. таймени (№ 280, 70-е–80-е гг. XIV в.); послало есьмо к тобѣ вѣдѣрко осетринѣ (№ 259/ 265, 1380–1400-е гг.); шѣсть дѣсѧто сигово оу сологовѣи (№ 1063, конец XII в.) могли употребляться только как обозначение подати.

4) слова, обозначающие пушных животных, например, белка, бобр и куница, употреблялись в трех значениях – 1) название животного; 2) обозначение меха и 3) товарно-денежная единица. Преобладающим является употребление этих лексем в качестве товарно-денежной единицы: белка, бобр, куница в новгородских берестяных грамотах в основном рассматриваются в контексте сбора дани или податей с подвластных Новгороду северных земель или с боярских владений (в грамотах №№ 1, 2, 7, 278, 406 и др.). В ряде грамот пушнина выступает в качестве товара (№№ 420, 721, 724, 193 и др.).

5) названия диких животных (не пушных) и птиц употребляются только для обозначения мясных продуктов: ольнина моѧ (№ 174, 1-я полов. XII в.); .г. заацѣ (№ 842, 10-е–40-е гг. XII в.); заацѣ и тетеревь (№ 842, 10-е–40-е гг. XII в.); имали кречете (№ 248, 80-е–90-е гг. XII в.).

6) названия тканей, разного вида одежды, их деталей и украшений упоминаются исключительно в связи с их товарной стоимостью, т.е. в грамотах они представлены как товар: дѣтемъ по бѣлки з из горсти лену борань оуновиноу (№ 136, 40-е–70-е гг. XIV в.); купи ми зѣнданцю добру (№ 125, конец XIV в.–1400-е гг.); фофоудьи былѣ твоихъ .ѳ. рѣкль ѧ собѣ (№ 675, 40-е – начало 60-х гг. XII в.) и др.

В четвертом параграфе «Торговля – вид занятости городского населения Древнего Новгорода» отмечается то,

что Новгород находился на торговом пути из варяжского моря в Черное и процветал благодаря торговле, или как обозначается в берестяных письмах, гостьбе: истину дате не поверже гозбе (№ 567, середина 40-х–70-е гг. XIV в.). Новгородцы продавали европейцам в основном необработанный, сырой товар – меха, кожи, сало, лен, коноплю, мед, воск и т.д. Особенно большим спросом пользовались беличьи шкуры. Иностранцы привозили в Новгород разные товары в обработанном виде: шерстяные ткани, сукна, полотна, вина, стекло и др. изделия фабричной промышленности. Из-за холодного климата, несмотря на обширные земли, в Новгороде не хватало зерна, и новгородские купцы развозили иноземные товары по русским городам – Суздаль, Владимир, Киев, Чернигов, Галич и др.

Как внешняя, так и внутренняя торговля в древнем Новгороде была преимущественно натуральная, меновая. Однако в средневековом Новгороде существовала развитая финансовая система. Для эпохи XI-XII вв. наиболее употребительными были такие денежные единицы, как векша, ногата, резана, куна, гривна и др.: о церевии .д. вѣши (№ 926, 1-ая пол. XIII в.); на двоу пуодуо 5 куоно и гривна и 2 вѣкшь (№ 1034, 60-е – сер. 90-х гг. XII в.); намо недоплатило 8 ногато (№ 218, сер. – 3-я четв. XIII в.).

Таким образом, в Древнем Новгороде процветала внешняя и внутренняя торговля. Она носила не только натуральный характер, но и имело денежное воплощение.

Основные положения и материалы второй главы изложены в нижеследующих публикациях автора.⁵

⁵ Гамидова, Р. Т. Словарный состав новгородских берестяных грамот (лексико-тематические группы слов) // Язык и литература Бакинского Государственного Университета, - 2018. № 1, - с.73-76; Нюансы общения древних новгородцев // - Москва: Высшее образование сегодня, - 2018. № 6, - с. 64-66; К вопросу о лексике новгородских берестяных грамот // - Ученые записки Бакинского Славянского Университета, Серия языка и литературы, - 2019. № 1, - с. 20-25; Лексика, связанная с ювелирным делом: языковая картина мира на материале новгородских берестяных грамот // «Humanitar və ictimai elmlərin əsasları» mövzusunda II Respublika elmi konfransının materialları, - Bakı: 22 dekabr, - 2020, - с. 22-24; Лингвокультура древних новгородцев (на

Третья глава «**Отражение духовной жизни древних новгородцев в новгородских грамотах на бересте**». В новгородских берестяных грамотах богато отражается духовная жизнь древних новгородцев: наименования основных праздников, обрядов жизненного цикла и поверий, лексика, связанная с христианской идеологией, а также особенности фразеологической картины мира древних новгородцев. Данная глава состоит из пяти параграфов.

Первый параграф называется «**Лексика, связанная с христианской идеологией**». Материал новгородских берестяных грамот позволяет классифицировать всю религиозную лексику на 2 большие тематические группы:

1. теонимическая лексика;
2. профессиональная лексика.

I. Теонимическая лексика в языке новгородских берестяных грамот представлена тремя лексемами: 1) богъ: слъзы проливаюста прѣдъ богъм (№ 317, 40-е–60-х гг. XIV в.); 2) господи: господи помощи рабѣ своемѣ (№ 330, 1260–1280-е гг.); 3) отьць: слава отцю и снѣ (№ 727, середина 50-х гг. XII в. – 1-ая четв. XIII в.).

Наиболее частотным среди упомянутых теонимов является существительное богъ. Это слово встречается как в частных письмах, так и в письмах церковного содержания. Во всех зафиксированных случаях лексема богъ функционирует в значении христианского бога. Слово богъ является единственным непроемным, немотивированным теонимом и встречается в составе фразеологических оборотов: бога дела

материале берестяных грамот) // - Бакинский Славянский Университет: Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук (Межвузовский сборник научных статей), - 2020. № 2, - с. 90-95; Особенности употребления лексики, обозначающей родственные отношения, в новгородских берестяных грамотах // ВГСПУ: «Перемена», «Известия Волгоградского государственного педагогического университета», Педагогические науки. Филологические науки, - 2021. № 2 (155), - с. 20-25; Обозначение человека по его социальному статусу и должности в новгородских берестяных грамотах // Материалы конференций, Сумгаитский государственный университет: 28-29 октября, - 2021. № 6, - с. 136-139.

‘ради бога’: а водае и бога дьла съ .е. гривньъ (№ 296, последняя четв. XII в.); даи богъ/ богъ дасть: да бог овамо радости (№ 497, 40-е – сер. 80-х гг. XIV в.); бога са боите: а правите имь тьваро бога са боаць (№ 548, сер. 50-х гг. XII в. – н. 1210-х гг.); богъ за мѣздою ‘спасибо, Бог заплатит’: цюлоую та а богъ за мѣздою или ладивьса (№ 549, сер. 60-х – сер. 90-х гг. XII в.); за вась бога молю: а а за вы бога молю (№ 503, сер. 20-х – сер. 50-х гг. XII в.); на бозѣ положено и на вась ‘после Бога полагалось на вас’: поклоно от филикса ко смену и ко юргю на бозе полжено и на васо (№ 414, 40-е–50-е гг. XIV в.); бгови и тобь ‘тебе и больше никому’: о живого а то боговии тобь (№ 944, 1160-е–1210-е гг.); соудить богъ и моа хоудость ‘судит Бог и я’: аже ми са туюньши насмихати а соудить богъ и моа хоудость (№ 752, 80-е гг. XI в.–1100-е гг.).

Лексема господь употребляется в грамотах-молитвах или в грамотах церковного содержания и исключительно в звательной форме.

Слово отьць как обозначение Бога употребляется только в грамотах церковного содержания. В грамотах нецерковного содержания это слово употребляется как термин родства.

II. Под профессионализмами мы понимаем религиозную лексику, активно используемую православным духовенством в связи с потребностями служебного характера – названия церковных служб и жанров литургии. Профессионализмы встречаются в грамотах церковного содержания и в частной переписке духовных представителей православной церкви.

Среди новгородских берестяных грамот, в которых упоминаются церковные службы, зафиксированы грамоты с разным содержанием и предназначением. Так, в грамоте № 906 (50-е–70-е гг. XIV в.) представлен текст церковного песнопения, а грамота № 317 (40-е–60-е гг. XIV в.) – это фрагмент из церковного увещания или проповеди, грамота № 418 (к. XIII в.) содержит вечернюю молитву. Грамота № 727 (сер. 50-х гг. XII в. – 1-ая четв. XIII в.) является краткой записью чина службы на Фоминой неделе, составленная попом для памяти.

Материал новгородских берестяных грамот позволяет утверждать о том, что религиозная лексика, во-первых, представлена не только заимствованиями из церковнославянского языка, но и лексикой древнерусского языка; во-вторых, лексика исследуемой тематической группы встречается не только в грамотах церковного содержания, но и в частной переписке как обыкновенных новгородцев, так и представителей православного духовенства. При этом в частной переписке обыкновенных новгородцев встречается, как правило, употребление теонима богъ в составе фразеологизмов, тогда как в частной переписке представителей православного духовенства встречаются, в основном, профессионализмы.

Во втором параграфе **«О своеобразии использования наименований праздников в новгородских берестяных грамотах»** отмечается особенность употребления названий праздников в новгородских берестяных грамотах. Эта особенность заключалась в том, что они употреблялись для обозначения конкретной даты для личных и деловых встреч. В древнерусском языке понятие праздника передавалось словом *свято*, которое является однокоренным со словом *святой*. Согласно В. Далю, *«свято» является устаревшим и выступает синонимом лексем «святокъ» и «святдень»*.⁶ Так, в 18 грамотах, охватывающих период с XI по XV века, т.е. совпадают с тем временным отрезком, к которому относится весь комплекс новгородских берестяных грамот, обнаруженных с 1951 года по настоящее время, встретилось 18 наименований праздников, из которых одно является названием языческого праздника – Русалии (Русальная неделя) и встречается в двух грамотах (№ 389, № 131), остальные – христианские праздники: Вознесение, Госпожин день, Рождество Богородицы, Воздвижение Креста, Обрезание Господне, Великий день и дни поминания христианских святых (Луки, Дмитрия Солунского, Космы и Дамияна, Михаила, Филиппа, Варвары, Петра, Ильи, Прокла). Упомянутые праздники встречаются как в грамотах церковного

⁶ Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект/ А.А. Зализняк. – Москва: Языки славянской культуры, - 2004. – с. 161.

содержания, так и в грамотах нецерковного содержания. Но во всех грамотах эти праздники употребляются как конкретные даты, не связанные ни с христианским, ни с народным календарем, т.е. со временем проведения определенных сельскохозяйственных работ:

1) а боуди семо ко петрову дени съ икоунами ‘Будь здесь к Петрову дню с иконами’, т.е. 29 июня (грамота № 142);

2) заплати стьяпанцю къ рожествоу ‘заплати Степанцю к Рождеству’, т.е. к 25 декабря (грамота № 241);

3) а то са дигало съ се днѣ во велики днь ‘Это происходило сегодня, на Пасху’ (грамота № 154);

4) а недана пошли во лугу ко илину дни ‘А Недана пошли в Лугу к Ильину дню’, т.е. 2 августа (грамота № 134);

5) а то деалось всю нѣделю до прокла ‘а это происходило всю неделю до Проклова дня’ (грамота № 496) и т.д.

Данное предположение также подтверждается тем, что авторами грамот были не деревенские жители, а горожане, для которых важно было знать не период пахоты или жатвы, а назначенное время выплат, встреч, торговых сделок.

Третий параграф называется «**Обряды жизненного цикла**». Традиции, обычаи, праздники, которые сопровождают человека на протяжении его жизненного пути, называются обрядами жизненного цикла. На материале новгородских берестяных грамот выделяются две группы обрядов – свадебный и погребальный.

Свадебный обряд состоит из нескольких этапов – смотрины, сватовство, помолвка и свадебное пиршество. В новгородских берестяных грамотах нет ни одного описания проведения какого-либо из них. Но языковой анализ берестяных документов позволяет выявить устойчивую лексику, связанную со свадебным обрядом. Такая лексика зафиксирована нами в 12 грамотах, которые по своему содержанию очень разнообразны.

Так, грамота № 377 (последняя треть XII в.) представляет собой любовное письмо-предложение; грамоты №№ 731 и 955 являются переписками со свахой; отдельную группу составляют грамоты №№ 261, 262, 263, 264. Это – списки свадебных даров:

блюдо (№№ 261, 264), тимо ‘сафьян’ (№№ 261, 262, 263, 264), сорьщица (№ 262), портище (№№ 262, 263).

В общей сложности, в новгородских берестяных грамотах лексика, связанная со свадебным обрядом, выражена:

– 7-ю существительными: послоухо (№ 377), повоиник (№ 731), блюдо (№№ 261, 264), тимо ‘сафьян’ (№№ 261, 262, 263, 264), сорьщица (№ 262), портище (№№ 262, 263), прокроута (№ 356);

– 5-ю глаголами: хотѣти (№№ 377, 731), поимати (№ 731), поѣхати (№ 955), жьнитисѧ (№ 672), поати (№ 9);

– 6-ю устойчивыми формулами: поиди за мьне (№ 377), а кодъ мнѣ хлѣбъ ту и тобѣ (№ 731), ала семо сѧ емѸ по рѣкѣ (№ 731), пей пизда и сѣкыле (№ 955), избити в руки (№ 9), пустити жену а иноую поати (№ 9).

Материал новгородских берестяных грамот позволяет судить и о некоторых традициях, связанных с погребальным обрядом и поминками. Условно по своему содержанию грамоты, в которых употребляется лексика, связанная с погребальными обрядами, делятся 2 группы: 1) завещания и 2) тексты со специальной терминологией.

Писать завещание перед смертью как официальный документ, в котором отражалось все достояние и назначались наследники, было обычным делом для древних новгородцев. Об этом свидетельствуют тексты берестяных грамот, среди которых были обнаружены как заверенные завещания, так и черновики таких завещаний.

Духовные завещания древних новгородцев строились по определенной структуре: начальной формуле, основного текста с перечислением имущества и наследников. В качестве начальной формулы выступали выражения:

– Се азъ рабъ божи ... написахъ рукописание при своемъ животе;

– Во има оца и сна и стго дха се азъ рабъ божи ... пишу рукописание при своемъ животѣ;

– А ... опишу рукописание.

Вторая группа грамот содержит лексику, связанную непосредственно со смертью, погребальными обрядами и поминками.

В новгородских берестяных грамотах современное слово смерть встречается только в одной грамоте – № 689 (60-е–80-е гг. XIV в.): после его смърти даль њсемь полотину. Данный документ представляет собой отчет о тратах, которые были совершены после смерти некоего лица и проведения его поминок. В отличие от № 689, грамоты №№ 49, 705, 1020 представляют собой частные письма, в которых извещается или упоминается о чьей-либо смерти. При этом во всех трех грамотах понятие смерти передается в табуированной форме:

1) формулами: в животѣ нѣтъ (№ 49, 2-ая пол. XIV в. – 1-ая пол. XV в.); оу мене бориса в животѣ неть; бого поимеете; а ныне слышю боленоу мене со ее (№ 705, первое 20-летие XIII в.).

2) лексемой переставитисл ‘представиться’: верешь въдае оу хотьслава ми было гривна възати а творатъ и переставивъше.

После того, как человек умирал, его предавали земле. После погребения справлялись поминки. Поминать людей у древних новгородцев было принято не только в день смерти, но и спустя 40 дней и 1 год: да цобъ ти година оттыправить отьцу (№19, 20-е гг. XV в.); продаво олениноу оуцини же погрѣбание чърнеческое ать сърочьке и поль дьвать (№ 681, сер. 50-х – сер. 90-х гг. XII в.).

В четвертом параграфе «**Заговоры, заклѣтия, обереги**» рассматриваются тексты с заговорами, заклѣтиями, а также оберегами и талисманами.

Среди грамот-заговоров можно выделить:

1) заговоры против болезни – № 1022 (60-е–сер. 90-х гг. XII в.), 715 (1-ая пол. – сер. XIII в.), № 930 (к. XIV в. – 1-ая четв. XV в.), № 734 (40-е – н. 60-х гг. XII в.);

2) любовный заговор – № 521 (2-ая пол. XIV в. – 1-ая пол. XV в.);

3) заклѣтия – № 957 (н. XII в.), № 973 (XIII в.).

По содержанию новгородские берестяные грамоты №№1022, 715, 930 и 734 представляют собой заговоры-молитвы.

Среди грамот также обнаружены обереги-амулеты, писавшиеся для защиты от несчастья: грамоты № 884 (сер. XII в.) и № 674 (сер. 50-х гг. XII в. – н. 1210-х гг.).

Таким образом, материал новгородских берестяных грамот позволяет утверждать, что духовная жизнь древних новгородцев носила двоякий характер, поскольку в ней соединились элементы как языческого, так и православного мировоззрения.

Пятый параграф **«Фразеологическая картина мира новгородских берестяных грамот»** рассматривает фразеологическую картину мира, как часть целостной языковой картины мира, которая ассоциируется с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами, символами и т.п. В этой связи изучение фразеологической картины мира новгородских берестяных грамот представляет особый интерес. С одной стороны, изучение фразеологизмов и устойчивых сочетаний дает большой фактический материал как исторический, так и лингвокультурологический. С другой стороны же, ее изучение будет сопряжено рядом сложностей, который объясняются жанровой спецификой грамот.

По своей жанровой специфике новгородские берестяные грамоты являются наиболее древними образцами эпистолярного жанра. По мнению С.С.Кувалиной, *«в них запечатлелись такие факты языкового общения, которые нельзя считать живыми, разговорными. Эти факты представляют собой проявление определенной эпистолярной традиции, которая складывалась не без существенного влияния книжно-письменных начал»*.⁷ Частные берестяные письма условно делятся на две части – формальную и оригинальную. Формальная часть претерпевала определенные изменения на протяжении ряда эпох.

Так, в берестяных письмах в качестве функциональных типов начальных приветствий выделяются следующие:

Формула «ОТ КОГО К КОМУ» встречается в переписке с XI в. и является самой распространенной: от миките ко церту (№

⁷ Кувалина, С. С. Функциональные типы начальных стереотипов эпистолярного жанра в истории русского языка XII-XIII веков // Куйбышев: Вопросы истории и диалектологии русского языка, - т. 140. – вып. 3. - 1974. – с. 32.

4, XIV в.); от гостаты к васильви (№ 9, сер. 30-х – сер. 70-х гг. XII в.); ѡ накова къ евану (№ 30, 70-е – н. 80-х гг. XIV в.) и др.;

Оборот «ПОКЛОН ОТ КОГО К КОМУ» начинает употребляться с XIII в.: отоци поклонъ к олоскарду (№ 528, 70-е–80-е гг. XIV в.); от ане покло ко климате (№ 531, к. XII – 1-ая пол. XIII в.); поклонъ ѡ онцифора к бабѣ к марѣмыанѣ (№ 578, 60-е–70-е гг. XIV в.).

В этот период этикет вежливости в начальные формулы вносят слова поклон и поклоняние, а также словосочетание слово добро: ѡ иванка и ѡ мирославѣ къ иванкоу поклонание (№ 113, 1180-е–1200-е гг.).

Особо стоит остановиться на слове добро и устойчивых выражениях с этим словом.

В древненовгородском диалекте, как и в древнерусском языке вообще, все предметы быта обозначались словом добро: все добро здорово здѣсе (№ 129, 80-е–90-е гг. XIV в.). Но слово добро было многозначным, и встречается в грамотах также в значениях ‘хорошего качества’, ‘товар’: за вьлькъ рѣспытавьша гъраздъ дѣбра и лиха нь крѣнита (№ 685, 40-е – середина 90-х гг. XII в.); добра же мехе одине (№ 225, 60-е–90-е гг. XII в.) и др. Так же слово добро входило в состав устойчивых словосочетаний:

– створита добро ‘сделайте милость’, ‘пожалуйста’: створита добро моѣ падцерица (№ 1113, 1180-е–1200-е гг.);

– добръмь ‘по-хорошему’: посьли же добръмь (№ 246, XI в.);

– уцини добро: перостависѣнникъ цини ми добро (№ 283, 70-е – начало 80-х гг. XIV в.);

III. На рубеже XIV-XV вв. получают распространение начальные формулы «БЪЕТ ЧЕЛОМ КТО КОМУ» или «КТО БЪЕТ ЧЕЛОМ КОМУ» или «ЧЕЛОБИТЬЕ ОТ КОГО КОМУ»: фешке юрьгию целомъ бѣе (№ 32, 40-е–60-е гг. XIV в.); осподину челомъ бѣють твои христьяни (№ 540, 1400-е гг.); челобитье ѡ волоса господину къ фоносу (№ 1094, конец XIV – первая четверть XV в.).

Помимо традиционных начальных формул, в новгородских грамотах на бересте встречены и другие этикетные формулы

эпистолярного жанра. Например, моя хоудость ‘мое ничтожество’ во фразе соудить богъ и моя хоудость (№ 752, 80-е гг. XI–1100 гг.).

В языке новгородских берестяных грамот встречаются не только формулы вежливости, но и бранная лексика, под которой мы понимаем не только русский мат, встреченный в новгородских берестяных грамотах, но и недоброжелательные слова, ругательства. Ругательства или бранная лексика в самих новгородских берестяных грамотах тоже имеет словесное обозначение. Ср.: омѣшаи не испакости кажнецамо ни соби присловіа возми (№ 286, первая половина или середина XIV в.) – слово *присловье*, как отмечает А.А.Зализняк, употребляется в значении ‘худая молва о ком’, ‘недобрая слава’, ‘бранная кличка’.⁸ Присловьем в древненовгородском диалекте считались:

1. кобажанинъ и скоудьтина: коа ни а тобе кобажанино ни а тобъ скоудьтина (№ 831, вторая четверть XII в.). Кобяжанами в Древнем Новгороде называли колбягов – этническую группу скандинавского происхождения. В грамоте № 831 это слово выступает синонимом скряги, скупца. Скоудатина – бранное слово, которое обозначает нищего и убогого человека.

2. сбродна: а на лунѣнѣ челоуѣкъ добръ а сбродну не имѣ (№ 314, 70-е–90-е гг. XIV в.). Сброднами называли бродяг.

3. посакъ: уов ортимие уо посака три берековесеке (№ 1082, первая половина XIV в.). Слово посакъ является диалектным и означает вора или мошенника

4. лѣзни: ...у есть у мнѣ убилѣ а живото есть у мнѣ розграбилѣ лѣзни ма въ плищѣ (№ 252, вторая половина XIV в.). Слово лѣзни обозначает праздношатающихся людей, не имеющих ни оседлости, ни занятий.

5. корова и бладь: како еси возложить пороукоу на мою сестроу и на дочерь еи назовало еси състроу мою коровоу и дочере бладею (№ 531, конец XII в. – первая половина XIII в.).

6. вражина: послѣ вороже цужу хѣльстиноу (№ 1113, 1180-е–1200-е гг.). Вороже – звательная форма от слова вражина – древнерусское ругательство.

⁸ Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект/ А. А. Зализняк. – Москва: Языки славянской культуры, - 2004. – с. 596.

Таким образом, бранная лексика, употребленная в новгородских берестяных грамотах, противостоит устойчивым сочетаниям слов с экспрессией вежливости. Всего в новгородских берестяных грамотах зафиксировано 8 лексем со значением ругательства. Из этих ругательств слово посакъ является диалектным, а слово вороже – древнерусским. Употребление бранной лексики в новгородских берестяных грамотах еще раз подтверждает мысль о том, что в берестяных письмах коммуникация между людьми представлялась как неэтикетный стиль общения.

Основные положения и материалы третьей главы изложены в нижеследующих публикациях автора.⁹

Заключение. Анализ новгородских берестяных грамот позволил сделать следующие выводы.

1. Материал новгородских берестяных грамот анализировался с двух аспектов:

- лингвокультурологическом, благодаря которому в языке древних новгородцев были выявлены особенности их культуры и повседневной жизни в исторический период с XI по XV века;

- коммуникативном, позволившем выделить и изучить особенности коммуникативной культуры, воплощаемой в поведении древних новгородцев.

2. В силу того, что в своем большинстве новгородские берестяные грамоты представляют собой частные письма, в них

⁹ Гамидова, Р. Т. О своеобразии использования наименований праздников в новгородских берестяных грамотах // - Bakı: Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası M. Füzuli adına Əlyazmalar İnstitutu, Filologiya məslələri, - 2019. № 2, - с. 282-288; Языковой анализ новгородских берестяных грамот: религиозная лексика // - Gəncə Dövlət Universiteti, Ученые записки, - 2020. №2, - с. 293-297; Лингвокультурологический анализ новгородских грамот на бересте: обозначение срока и времени // XIII Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Коммуникация», Ульяновск: 1 июня, – 2020, - с. 145-149; Обряды жизненного цикла: лингвокультурологический анализ // - Bakı: Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası M. Füzuli adına Əlyazmalar İnstitutu, Filologiya məslələri, - 2021. № 3, - с. 91-98; Фразеологическая картина мира в новгородских берестяных грамотах // - Bakı: Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası M. Füzuli adına Əlyazmalar İnstitutu, Filologiya məslələri, - 2023. № 2, - с. 52-58.

могли отражаться только те стороны бытовой жизни жителей Великого Новгорода и его окрестностей, которые больше всего волновали людей.

В повседневной жизни новгородцев, живших в XI – XV веках, волновали в основном две сферы:

- 1) частная жизнь;
- 2) деловая жизнь.

3. Частная жизнь выражалась в межличностных отношениях, что ярко отразилось в тех берестяных грамотах, которые носили приватный характер. В этом смысле интересно употребление в новгородских берестяных грамотах терминов родства.

Исследование лингвокультурологического и коммуникативного употребления лексики, обозначающей родственные отношения, в новгородских берестяных грамотах позволяет заключить, что:

1) понятие родства передавалось как отдельными лексемами, так и морфологическими способами, в частности суффиксами притяжательности;

2) гендерное распределение употребительности лексем указывает на преимущественное предпочтение слов, обозначающих лиц мужского пола. Тому свидетельством может служить не только количественный перевес терминов родства и свойства, указывающих на лиц мужского пола (19 лексем, называющих мужчин, 13 лексем, называющих женщин), но и преимущественное употребление притяжательных прилагательных, образованных соединением мужских имен с притяжательными суффиксами и обозначающие жен этих мужчин.

3) коммуникативное употребление лексем, называющих родственные отношения, носило прямой и имплицитный характер. Прямое употребление выражалось в использовании терминов родства и свойства. Под имплицитным употреблением мы подразумеваем опосредованное указание на родство в притяжательных прилагательных с суффиксами -ич-, *-ја-, *-је- и др.

4) в коммуникативном употреблении лексем, называющих родственные отношения, доминирует не этикетный стиль

общения, что выражается как в употреблении диалектных форм, так и разговорных вариантов, отраженных в новгородских берестяных грамотах.

4. Языковая картина мира, связанная с повседневной жизнью древних новгородцев, строится вокруг торговли, тем самым подтверждая статус Новгорода как торгового города. Все сферы деятельности жизни новгородцев от административно-территориальных единиц до определения продуктов питания и занятости населения подчинено описанию и характеристике торговых отношений, существующих в исторический период с XI по XV века.

5. Духовная жизнь древних новгородцев носила двоякий характер, поскольку в ней соединились элементы как языческого, так и православного мировоззрения. Этому доказательством может служить их календарь праздников, среди которых встречаются языческие и христианские праздники, а также обряды жизненного цикла и заговоры, заклятия, обереги.

6. Духовная составная не довлеет над повседневными нуждами жителей Великого Новгорода. Анализ грамот, в которых зафиксированы наименования религиозных праздников (как православных, так и языческих), показал, что названия праздников, как правило, употребляются в грамотах в практических целях, а именно для указания точной даты и времени личных и деловых встреч, торговых сделок и договоренностей.

7. Фразеологическая картина мира, представленная в новгородских берестяных грамотах, мало чем отличается от языковой картины мира в целом. Основными моментами, которые отражаются в устойчивых словосочетаниях, употребленных в новгородских берестяных грамотах, являются

- а) родственные отношения,
- б) восприятия Бога как единственно возможной правды и судьбы на этом свете;
- в) практическое мировоззрение новгородцев, выраженное в устойчивых фразеологизмах торговли и юриспруденции.

Следует отметить, что среди последних выделяются такие фразеологизмы и устойчивые словосочетания, которые

отражают также языческое восприятие мира в сознании новгородцев, живших с XI по XV века.

8. Лингвокультурологический анализ духовной составляющей лексики древних новгородцев позволяет установить, что христианские понятия, религиозная атрибутика, церковная терминология встречается, как правило, в грамотах церковного содержания. В частной переписке нами зафиксированы, в основном, фразеологические сочетания и устойчивые формулы, отражающие как христианское, так и языческое мировоззрение. Однако основополагающим для фразеологической картины мира являются родственные и торговые отношения.

Итак, языковая картина мира древнего Новгорода представляет собой сложную структуру, составными частями которой являются практическое и духовное восприятие жизни средневекового Новгорода. Совокупная языковая личность вербализирует отношения человека с Богом и другими членами общества – как социальные, так и семейные, – и тем самым закрепляет в языке народные представления о социальной иерархии, семейных ролях и окружающем мире.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

1. Словарный состав новгородских берестяных грамот (лексико-тематические группы слов) // Язык и литература Бакинского Государственного Университета, - 2018. № 1, - с.73-76.
2. Нюансы общения древних новгородцев // - Москва: Высшее образование сегодня, - 2018. № 6, - с. 64-66.
3. К вопросу о лексике новгородских берестяных грамот // - Ученые записки Бакинского Славянского Университета, Серия языка и литературы, - 2019. № 1, - с. 20-25.
4. О своеобразии использования наименований праздников в новгородских берестяных грамотах // - Bakı: Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası M. Fizuli adına Əlyazmalar İnstitutu, Filologiya məsələləri, - 2019. № 2, - с. 282-288.

5. Лингвокультура древних новгородцев (на материале берестяных грамот) // - Бакинский Славянский Университет: Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук (Межвузовский сборник научных статей), - 2020. № 2, - с. 90-95.
6. Лексика, связанная с ювелирным делом: языковая картина мира на материале новгородских берестяных грамот // «Humanitar və ictimai elmlərin əsasları» mövzusunda II Respublika elmi konfransının materialları, - Bakı: 22 dekabr, - 2020, - с. 22-24.
7. Языковой анализ новгородских берестяных грамот: религиозная лексика // - Gəncə Dövlət Universiteti, Ученые записки, - 2020. № 2, - с. 293-297.
8. Понятие «языковая картина мира» в отечественном языкознании: история вопроса // Azərbaycanşünaslığın aktual problemləri. Ümummilli Lider Heydər Əliyevin anadan olmasının 97-ci ildönümünə həsr olunmuş XI Beynəlxalq elmi konfransının materialları, - Бакинский Славянский Университет: 7-8 may, - 2020, - с. 174-177.
9. Лингвокультурологический анализ новгородских грамот на бересте: обозначение срока и времени // XIII Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Коммуникация», Ульяновск: 1 июня, – 2020, - с. 145-149.
10. Обряды жизненного цикла: лингвокультурологический анализ // - Bakı: Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası M. Fizuli adına Əlyazmalar İnstitutu, Filologiya məsələləri, - 2021. № 3, - с. 91-98.
11. Особенности употребления лексики, обозначающей родственные отношения, в новгородских берестяных грамотах // ВГСПУ: «Перемена», «Известия Волгоградского государственного педагогического университета», Педагогические науки. Филологические науки, - 2021. № 2 (155), - с. 20-25.
12. Обозначение человека по его социальному статусу и должности в новгородских берестяных грамотах //

Материалы конференций, Сумгаитский государственный университет: 28-29 октября, - 2021. № 6, - с. 136-139.

13. Фразеологическая картина мира в новгородских берестяных грамотах // - Баки: Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası M. Füzuli adına Əlyazmalar İnstitutu, Filologiya məsələləri, - 2023. № 2, - с. 52-58.

Защита диссертации состоится 29 февраля 2024 года в 14.00 на заседании Диссертационного совета ЕД 2.13, действующего на базе Бакинского славянского университета.

Адрес: AZ 1014, Баку, ул. С. Рустама, 33. Бакинский славянский университет

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Бакинского славянского университета.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Бакинского славянского университета.

Автореферат разослан по соответствующим адресам 26 января 2024 года.

Подписано в печать: 19.01.2024

Формат бумаги: А5

Объём: 43906

Тираж: 70